

Глава 30. Пощёчина ароматом

Лю Тяньцзяо на мгновение замер, чувствуя, как лицо обжигает стыд — словно он получил звонкую пощёчину на глазах у всей деревни. Он знал, что после того переполоха, который он устроил в траурном зале, отношение односельчан к нему переменилось. Знал он и то, что семьи дядюшки Шао и остальных соратников отца недолюбливают его, но столкнуться с такой неприкрытой, густой неприязнью лицом к лицу оказалось выше его сил.

— Тётушка Гуйхуа, я ведь знаю, что ваш дом не бедствует... Я... я лишь хотел отблагодарить за помощь.

Кроткий тон Тяньцзяо, казалось, лишь раззадорил Фан Гуйхуа. Увидев в нём слабинку, она перестала скрывать насмешку, и её лицо исказилось в презрительной гримасе.

— Благодарность мне твоя не нужна. Сделай одолжение: перестань втягивать нашу семью в свои дразги, и я буду молить небо о такой милости.

Юноша мог сорваться на Старика Лю или Старуху Лю, мог поставить на место любого в деревне, но перед Фан Гуйхуа он не имел права даже на гнев. Как ни крути, он действительно был в долгу перед дядюшкой Шао и его товарищами. Было бы верхом неблагодарности перечить хозяйке дома после того, как её муж столько для него сделал.

— Не беспокойтесь, — тихо проговорил он. — Больше такого не повторится.

— Уж постарайся, — холодно бросила женщина и с грохотом захлопнула дверь перед самым его носом.

Тяньцзяо растерянно смотрел на эти ворота, которые прежде были ему так знакомы. Теперь он ясно осознал: путь сюда ему заказан. Слезы сами собой брызнули из глаз.

***

Нынче наступила та редкая пора, когда урожай уже собран, а новые семена посажены, так что в полях стало поспокойнее. Шао Цин вместе со старшим сыном, Шао Чжуаном, подрядились на работу в зерновую лавку в городке. Платили там прилично, но и трудиться приходилось на износ: уходили из дома затемно, а возвращались, когда ночная тьма окончательно окутывала деревню.

Едва смыв с себя дневную пыль ледяной водой и даже не успев обработать кровавые мозоли на плечах, Шао Чжуан ворвался в кухню:

— Матушка, скоро ли ужин? Я умираю с голоду!

Фан Гуйхуа по привычке тут же разразилась бранью:

— Жрать, жрать, только и знаешь, что жрать! Не иначе как в прошлой жизни ты был голодным призраком!

Шао Цин недовольно отозвался из комнаты:

— Парень весь день спину гнул, в обед только сухую лепёшку видел. Чего ты на него напустилась?

Хозяйка дома, привыкшая, что всё подчиняется её воле, пришла в ярость от того, что муж посмел ей возразить. Бросив поварёшку, она выскочила из кухни и закричала:

— А кто сейчас не голоден?! Коли каждый будет так выть, у нас крыша рухнет от его воплей!

Глава семьи хотел было ответить ей тем же, но усталость взяла своё — сил на перепалку просто не осталось. Он позволил жене лаять, точно цепному псу, пока та не выдохлась.

Наконец, когда крики стихли, все облегченно вздохнули. Шао Чжуан больше не решался злить мать; он лишь прижимал руки к пустому животу, жадно втягивая носом запахи готовящейся еды.

Прошло ещё немало времени, прежде чем ужин подали на стол. Перед ними, как обычно, стояла миска серой каши из нешелушеного риса, которая из-за обилия добавленной в неё зелени казалась ярко-зелёной. Рядом лежало несколько мелких клубней батата. Что же до лепёшек, то их полагалось есть только во время работы; ужин же должен был лишь на треть утолить голод, чтобы живот не сводило до утра.

И взрослые, и дети давно привыкли к такому скудному рациону. Даже младший сын, которому едва исполнилось шесть, ел молча и сосредоточенно. Бережливость Фан Гуйхуа была известна на всю округу: она была из тех, кто готов заставить домочадцев работать задарма и впроголодь, лишь бы скопить лишнюю монету. Неудивительно, что за двадцать лет их семья обзавелась крепким хозяйством.

Однако на середине трапезы Гуйхуа внезапно поднялась, ушла на кухню и вернулась с небольшой чашкой, которую с небрежным видом поставила на стол.

Родные не ожидали увидеть там ничего особенного. Но стоило им заглянуть внутрь, как в чашке обнаружили тушёные потроха — золотисто-коричневые, лоснящиеся от густого ароматного соуса. Атмосфера за столом мгновенно вскипела, точно вода в котле.

— Мясо! Неужто мясо?!

— Мы последний раз его ели месяца два назад... Я уже и вкус забыл.

— Да это не просто мясо, это потроха! Такие же, как Старший Лю нам раньше приносил.

Видя, что у детей вот-вот потекут слюнки, Фан Гуйхуа холодно хмыкнула:

— Подумаешь, свиные внутренности. Чего вы всполошились?

Но когда на кону стоит такая вкуснятина, кому какое дело до её желчности? Шао Цин быстро разложил кусочки детям:

— Ну-ка, отведайте, каково на вкус.

Младший сын, пользуясь тем, что мать его баловала больше других, в два счёта проглотил порцию и восторженно завопил:

— Вкусно! Ещё хочу, много-много!

Шао Чжуан тоже согласно кивнул, пробормотав с набитым ртом:

— И остро, и сладко... Вкус просто божественный.

— Неужто и впрямь так хорошо? — Мужчина с сомнением отправил кусочек в рот и на мгновение замер, ошеломлённый богатством вкуса. Он тут же повернулся к жене: — Где купила? Завтра возьми ещё, да прикупи мне к ним чарку вина.

Фан Гуйхуа презрительно фыркнула:

— Вот уж воистину — семья голодранцев. Словно отродясь мяса не видели. Обычные вонючие потроха, а расписали так, будто это заморские деликатесы.

Вторая дочь, улыбаясь, положила ей в миску лучший кусочек:

— Матушка, да вы попробуйте. Это и вправду очень вкусно.

Гуйхуа с ледяной усмешкой отправила угощение в рот, и тут же её брови непроизвольно поползли вверх.

Младший сын удивленно спросил:

— Матушка, вам не нравится?

«Вкусно. Слишком вкусно»

Это осознание обожгло её, точно пощёчина. Фан Гуйхуа хотела было выплюнуть еду, но рука не поднялась — жалко было переводить такой продукт. Сделав каменное лицо, она процедила:

— Ничего особенного.

Сын не поверил:

— Как же «ничего»? Матушка, ну попробуйте ещё раз!

— Ешь что дадут и помалкивай! — огрызнулась она.

Шао Чжуан понял, что мать просто уязвлена в своих чувствах и теперь злится от смущения. Он не решился сказать это вслух, лишь незаметно подмигнул отцу.

«Смотри, — говорил весь его вид, — упрямится до последнего»

Восьмером они вмиг опустошили чашку и ещё долго облизывали пальцы, сожалея, что добавки не будет. Шао Цин снова наказал жене:

— Завтра не забудь купить ещё этих потрохов.

Где уж там купить! Только сегодня она заявила Тяньцзяо, что их пути разошлись, и теперь гордость не позволяла ей забрать свои слова назад.

— Ты что, золотые горы за день нажил? — сорвалась она на крик. — Думаешь, серебро на деревьях растёт, чтобы каждый день лакомиться?!

Муж, чей авторитет в очередной раз попытались подорвать при детях, тоже потерял терпение:

— Как бы мало я ни зарабатывал, на миску потрохов денег хватит! Хватит мне зубы заговаривать, надоело твоё вечное нытьё!

Увидев, что Шао Цин всерьёз рассердился, Гуйхуа не решилась продолжать спор, а вместо этого сорвала злость на детях, обругав их всех по очереди.

***

Жившая через стенку Старушка Ли была вне себя от этого шума:

— У этой Фан Гуйхуа точно в голове не всё ладно. День не поорет — считай, зря прожила.

Её старик лишь горестно качал головой:

— Жаль мне Шао Цина. Добрый мужик, а на такой мегере женился.

— Так семья-то бедная была, — в голосе Старушки Ли сочувствие мешалось с гордостью. — Слава небу, я хозяйство в узде держу, так что у наших детей при женитьбе выбор будет, не придётся на таких скандалистках останавливаться.

Сыновья согласно кивали, и лишь Мальчишка Янь решился возразить:

— У некоторых просто характер бойкий, не все же такие невыносимые, как тётушка Фан.

Старушка Ли холодно усмехнулась:

— Вот женишься на такой — сразу поймёшь, где почём. Посмотри, как она дядюшку Шао извела, в человеке совсем жизни не осталось.

Мальчишка Янь пробормотал:

— Будто я на ком захочу, на том и женюсь.

— Это что ещё за разговоры?! — всполошилась мать. — Не вздумай мне такую в дом привести!

Отец Яня, знавший о симпатиях сына, поспешил сменить тему:

— Чего вы к пустому цепляетесь? Слышали, из-за чего они там сегодня разорались? Вроде как из-за каких-то тушёных потрохов?

Старушка Ли, обожавшая сплетни, тут же переключилась:

— И я слышала, что потроха. Неужто эта требуха и впрямь может быть такой вкусной?

Мальчишка Янь непроизвольно сглотнул слюну:

— Ещё как может. Я, пока с учителем по разным трактирам в городе ходил, много чего

перепробовал, но вкуснее, чем у Тяньцзяо, нигде не встречал.

Все знали, что Янь — парень разборчивый, и раз уж он так говорит, значит, дело стоящее.

— Завтра и мы купим на пробу, — решили домочадцы. — Посмотрим, правду ли говорят.

Старушка Ли заворчала:

— Да что этот увалень Тяньцзяо может путного приготовить? Только деньги зря переведём.

Но её муж, сам любитель вкусно поесть, возразил:

— Почему это не может? Лю Дафа ещё при жизни говаривал, что Тяньцзяо в стряпне толк знает. Просто ты у нас скупая по жизни.

— Скупая?! Да если б я не сэкономила, как бы я все ваши рты прокормила?! — И в доме Ли начался свой привычный спор.

Янь лишь устало покачал головой.

«Других ругает, а сама-то немногим лучше тётушки Фан»

***

Лю Тяньцзяо и не подозревал, какие страсти разгорелись в деревне из-за его стряпни. Вернувшись домой, он провалился в сон, а на рассвете уже поднял Вэй Вэнькана, чтобы вместе готовить потроха и закуски. Они трудились не покладая рук и, даже не успев глотнуть воды, поспешили в город.

— Потроха тушёные! Прямо из котла, горячие! Не понравится — денег не возьму! Подходи, честной народ, пробуй!

Тяньцзяо кричал во всё горло, но прохожие лишь изредка бросали взгляды в их сторону. Видно было, что интерес есть, но подходить никто не спешил. От досады у юноши едва не выступили слёзы.

— Да что с ними такое?! Бесплатно ведь предлагаю попробовать, а они только глазеют!

Вэй Вэнькан, немного подумав, предположил:

— Боятся, верно. Думают, что раз мясо — значит, если попробуют и не купят, ты к ним привяжешься и скандал устроишь.

— Да мы же с отцом здесь столько лет торговали! — возмутился он. — Когда это мы кого силой заставляли покупать? Слишком уж они осторожничают.

Вэнькан указал на место неподалёку:

— Гляди вон туда, где сладостями торгуют. Видишь, как там один человек попробовал и не купил, а теперь шумят?

Тяньцзяо узнал этого торговца. Тот приехал из чужих краёв несколько месяцев назад и с тех пор возил на своей тележке гору сладостей, обсыпанных орехами. Выглядело заманчиво, и он тоже кричал, что проба бесплатна, а коли не понравится — платить не надо. Многие на это и покупались.

Да только отведать было полбеды. Стоило человеку согласиться на покупку, как торговец ловко отрезал кусок весом больше цзиня, а просил по пять монет за лян. В итоге за один брусок выходила цена, равная заработку крепкого работника за три-четыре дня. У кого такие деньги найдутся?

Но стоило покупателю заикнуться об отказе, как из толпы тут же выростали дюжие молодцы с длинными ножами. Даже самый смелый тут же сдавался и отдавал последнее.

Раньше этот делец стоял поодаль, и Тяньцзяо до него дела не было, но сегодня он перебрался поближе, и его дурная слава теперь отпугивала клиентов и от мясной лавки.

«Так вот оно что!»

Тяньцзяо кипел от негодования, но лезть на рожон против вооружённых громил не решался. С мрачным видом он спросил у Вэй Вэнькана:

— И что нам теперь делать?

Тот не ответил сразу. Он посмотрел на лавку напротив и снова указал рукой:

— Чувствуешь, какой аромат идёт от паровых булочек с мясом?